

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЫ ЕЛЕЦКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Охрана границ и строительство крепостных сооружений на протяжении XVI–XVII вв. являлись важным звеном в сохранении территории государства и формировании щита против внешней опасности. Одним из приоритетных направлений в продвижении Московского государства было южное, которое позволило постепенно освоить огромное лесостепное пространство территории «Поля» и включить его в хозяйственную жизнь страны. Однако московская колонизация столкнулась с противодействием Речи Посполитой и Крымского ханства, которые также стремились обосноваться на этих землях и захватить часть соседнего государства (1). В связи с этим процесс ее продвижения в южном направлении был длительным и сопровождался военными столкновениями противоборствующих сторон. Для предупреждения о готовившейся опасности для южных уездов Московского государства и перемещениях вражеских сил была разработана система сторожевой службы, которая в течение многих десятилетий ложилась на плечи служилых гарнизонов южнорусских крепостей (2).

Елецкая крепость с первых месяцев ее строительства была включена в систему сторожевой службы. 29 июля 1592 г. от елецкого воеводы А. Звенигородского и головы И. Мясного в Москву была доставлена роспись 9 елецким сторожам, которые расставили вверх и вниз по р. Быстрой Сосне и за Сосною в степь (3). В конце XVI – начале XVII вв. елецкие сторожа продолжали следить за перемещениями крымских татар и черкасских казаков по территории «Поля» и их возможным продвижением к центральным уездам Московского государства (4). В период Смуты система сторожевой службы в Ельце была приостановлена, поскольку сложная внутривосточная ситуация не позволяла центру контролировать выполнение служилыми людьми их обязанностей. После «великой разрухи» возобновляется функционирование елецкой сторожевой службы, о чем говорит участие ельчан в 1612 г. в числе других «украинных городов» под командованием Г. Тюфякина в сражении с черкасскими казаками и освобождением пленных (5). Летний проход 1618 г. через Елец казаков гетмана П. Сагайдачного негативно сказался на боеспособности крепости и гарнизона, поскольку часть укреплений сгорела, а многие жители города либо пали в бою,

либо были уведены в плен (6). В связи с этим новому воеводе Г.Л. Валуге только с 6 апреля 1619 г. удалось привлечь детей боярских и казаков к сторожевой службе, от которой те всячески пытались уклониться, поскольку у них «лошади были худы и ружья нет» (7). После назначения воеводой в Ельце С.И. Волынского, который пробыл в городе с 1620 по 1622 гг., можно говорить о начале полноценного функционирования сторожевой службы, поскольку служилые люди стали регулярно выезжать к сторожам и контролировать окрестности (8).

Во второй четверти XVII в. в Большой полк в Тулу из Москвы для «украинных» и «замосковских» городов посылались указания об организации сторожевой службы и исправном выполнении поставленных воеводами задач. Елец входил в число «украинных» городов, находящихся на «Поле», поэтому наряду с другими крепостями его включили в список «польских» городов. Для них был разработан порядок действий на случай татарской или черкасской опасности, с которой могли столкнуться сторожевые дети боярские, казаки и вестовщики (9). Интересный факт, что предписания для сторожевой службы было, как общее для всех городов, так и посылаемые индивидуально каждому воеводе в отдельно взятую крепость.

Согласно данным разрядных книг, в Елец, как и в другие «украинные» города, из Тулы направляли в качестве вестовщиков детей боярских, которые находились в городе, «переменясь о дву конь». В случае, если в город со сторож приходили сведения о перемещениях татарской конницы или черкасских казаков, вестовщики после расспроса свидетеля отправлялись с информацией в Тулу, а потом в Москву. Кроме того, сведения о грозящей опасности отправлялись в соседние города, чтобы жители уезда могли вовремя предпринять меры по защите имущества и спрятаться за крепостными стенами, а служилый гарнизон подготовился к возможному бою с неприятелем. В случае захвата вестовщика ему следовало говорить, что в Мценске и по всем «украинным» городам стоят воеводы «со многими людьми» и «многие стрельцы и казаки с вогненным боем (огнестрельным оружием – *А.Р.*)». Параллельно с тем, как вестовщик отправлялся в Тулу, в городе, к которому относились сторожи, организовывался отряд из детей боярских во главе с «добрым» головой из дворян. Они должны были обследовать окрестности и определить, был ли неприятельский отряд и какую опасность он мог представлять уезду и городу. В случае, если детям боярским удавалось захватить в плен «языка»,

его следовало допросить про Крымского царя и его войско, после чего отправить в Москву (10).

Грамоты об организации сторожевой службы на текущий период присылались в Елец в марте, до того как сходил последний снег, поскольку в это время начинали свое движение татарские отряды. Воеводе предстояло выбрать сторожей по росписи из детей боярских и полковых казаков. Их ему предстояло расписать по количеству на «сторожи на дальние, и на ближние, на смесные, и не на смесные (смежные. – *А.Р.*)». Кроме того, воевода определял какое расстояние будет от города до сторож и на каком расстоянии между собой они будут располагаться. Грамоту об организации сторожевой службы воевода отправлял в Москву, чтобы там подтвердили и заверили составленную роспись (11). Выезд сторожевых детей боярских и казаков начинался с 25 марта на Благовещение, либо раньше в зависимости от погодных и территориальных условий (12). Служилым людям предстояло стоять «на сторожах» круглосуточно – «и ден и в ночь», чтобы контролировать возможные приходы татарской конницы и отрядов черкасских казаков в «елецкие места», чтобы «над городам бы и над острогам какова дурна не учинил», а также их проходы в соседние уезды. Сторожевая служба продолжалась с ранней весны, все лето и до поздней осени. Поскольку сторожевая служба ложилась тяжким бременем на служилых людей, некоторые покидали место службы или не выходили в дозор. На этот случай воеводе было указано задержать нарушителя и посадить его в тюрьму до принятия решения в зависимости от тяжести проступка (13).

Тем временем в Ельце в ожидании тревожных известий от сторожей проживали вестовщики, которые также с весны по осень несли службу. При этом информация о перемещениях татарских и черкасских отрядов стекалась к воеводе не только от сторожей, но и от станичников, выходцев из литовских и крымских мест и бывших пленников. Вестовщики также несли службу круглосуточно, чтобы максимально оперативно выдвинуться с известием об опасности (14). Согласно росписи елецких сторож, во второй четверти XVII в. первая сторожа находилась по ливенской дороге на р. Пажень, «что от города 3 версты», и стояли там 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от той сторожи вверх по р. Сосне к радуженской сторожи 12 верст». Вторая сторожа располагалась на ливенской дороге под Радужкиным лесом, «что от города 20 верст», и посланы были туда 2 сына боярских и 4 казака, а патрулировали «от той сторожи до р. Чернавы 5 верст».

Третья сторожа была смежная по лебедянской дороге в устье р. Талица, «что от города 15 верст», и стояли там 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от той сторожи до реки Дон и до устья р. Сосны 10 верст». Четвертая сторожа была поставлена по воронежской дороге на р. Паниковец, «что от города 30 верст», и посланы были на эту сторожу 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от нее до Сцепных лесков 15 верст». Пятая сторожа находилась по оскольской дороге под Богатым лесом, «что от города 15 верст», и стояли там 4 сына боярских и 2 казака, да переменные, а патрулировали от той сторожи по оскольской дороге 30 верст. Шестая сторожа стояла на р. Воронеж, «что от города 6 верст», и стояли там 4 сына боярских и 2 казака, а маршрут патрулирования от той сторожи по оскольской дороге до р. Свишни 10 верст. Седьмая сторожа была на крымской стороне, на р. Казинке, что от города находилась на расстоянии 3 верст, а посланы были на ту сторожу 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали от той сторожи вверх по р. Сосне по оскольской дороге 4 версты. Наконец, восьмая сторожа была выставлена на беломестном поле, что располагалось от города на 3 версты, «и стоят на там беломесные казаки для охраны своих пашен» (15). Во время пребывания на посту воеводы Д.М. Толочанова в 1633 г. произошли изменения в системе елецких сторож. К существовавшим 8 сторожам была добавлена смежная сторожа по ливенской дороге в устье р. Чернавы, «что в 25 верстах от города». На нее определили 2 детей боярских и 2 казаков, которые патрулировали от той сторожи до «свезжева колодезя» 5 верст. В то же время сторожа, которая находилась по ливенской дороге на р. Пажень потеряла свою значимость и в дальнейшем на нее перестали посылать детей боярских и казаков (16).

Нередко елецким служилым людям приходилось сталкиваться с небольшими татарскими отрядами, которые вторгались в Елецкий уезд или проходили через него в соседние уезды. 26 августа 1626 г. сын боярский Артем Яковлев пришел в Елец к воеводе Федору Елецкому с известием о татарском отряде. Он сообщил, что из Данковского уезда из д. Хрущово к нему прибежал «приказщик» Яков Волков, который рассказал о нападении 25 августа на д. Спешнево порядка 100 татар, которые потом пошли вниз по р. Хмеленец в Елецкий уезд. Навстречу татарскому отряду выдвинулись елецкие дети боярский и полковые казаки, во главе которых были Иван Киселев, а также казачий и стрелецкий голова Аким Кривской. Встреча между ельчанами и татарами произошла в Бруслановском стане под Рысиным лесом. Татары, нагруженные добычей, не стали вступать в бой и «наспех» «день, да

ночь» проскакали к р. Сосне. Тем временем в Ельце было принято решение возобновить погоню и вернуть имущество и освободить пленных. Для этой цели из полковых, кормовых и беломестных казаков собрали отряд, который возглавили дворяне Воин Опухтин и Зиновий Перцев. Ельчанам удалось догнать татар в районе р. Олым, где и произошло сражение между ним. В ходе битвы удалось освободить 36 человек пленников и захватить трех языков (17). Среди тех, кого татары увели в «полон», было много девушек и женщин.

Один из пленных татар рассказал, что начался их путь от Азова, где они в составе отряда из 100 человек пошли «на Русь по Нагайской стороне реки Дону». Прийдя «в шацкие и ряжские места», татары захватили «на десят по человеку». Следующим решением было отправить 30 человек татар с пленниками к ногайцам, а самим отступить в степь. Они продвинулись от русских городов на 10 дней конного пути и пробыли там, около месяца пока их лошади «отъелися» и пришли в нужную форму. После отдыха татары выступили с новым набегом «в ряжские, данковские, лебедянские и елецкие места», где им удалось захватить 34 человека. Двух пленников татары убили, а часть утонула при бегстве от ельчан при переправке через р. Сосну. Другой татарин поведал, что жил в Азове он три года, потом собрался отряд из 100 человек, с которым он пошел «на Русь воевать». Шли они ночами вдоль р. Дон. Придя в южные уезды, татарам удалось захватить много пленных, которых они отправили в Азов, но сколько их было, ему неизвестно. Дальше они отправились в степь, где остановились на р. Меловой и пробыли там месяц, после чего отправились в ряжский, данковский, лебедянский и елецкий уезды, в которых взяли в плен 34 человека. Во время отступления татар через р. Сосну утонуло 8 человек. Третий татарин подтвердил сведения, которые рассказали на допросе воеводе первые два языка, после чего татар отправили в тюрьму в Белоозеро. Официальные представители крымского царя по поводу набег татар высказались, что они не организовывали похода к границам Московского государства, и о разбитом ельчанами отряде им ничего неизвестно (18).

Весной и летом 1627 г. отряды крымских татар проявили активность в пределах южнорусских уездов. Они были замечены сторожевыми разъездами вблизи Ельца, Лебедяни, Данкова, Белгорода, Валук, Воронежа и ряда других городов. 28 мая рано утром в Елец прибежал крестьянин Панка Щалканов, с известием о набеге татарской конницы на Елецкий уезд. Он рассказал воеводе, что

27 мая провожал брата своего в Воронеж по р. Дон, а после возвращения обратно в Засосенском стане в 15 верстах от Ельца увидел небольшой обоз из 8 телег, на который напало около 70 татар. Елецкий воевода Ю.А. Звенигородский принял решение отправить в уезд отряд из полковых казаков во главе «с товарищем своим» Леонтием Извольским и опытными головами Акимом Кривским, Иваном Тимирязевым и Григорием Сафоновым. В то же время от сторожей никаких известий Елец не поступало. 23 июня татары объявились в Бруслановском стане, но вглубь Елецкого уезда они не пошли. Сформированный отряд елецких служилых людей преследовал татарскую конницу в течение суток, и обнаружили их в Лебедянском уезде, где те промышляли угоном скота. Ельчанам удалось отогнать татар и освободить крестьянина Василия Захарова, которого ранее захватил с обозом в Елецком уезде (19). Днем 7 августа приехали в Елец из Засосенского стана из д. Донской дети боярские Иван Макаров и Иев Гребенской с известием о том, что к ним прибежал крестьянин Первушка Степанов, который рассказал о столкновении с татарами и его бое с одним из них. После своего спасения Первушка сообщил, что татар около 300 чел. и направились они к Талецкому броду. Сторожа, которые находились на посту, заметили перемещение татарской конницы и прибежавший в Елец беломестный казак Панка Григорьев сообщил об этом воеводе. Через несколько дней, 12 августа, собранный воеводой отряд из детей боярских и полковых казаков столкнулся вблизи Талецкого брода с татарами, где между ними произошло сражение, в ходе которого кочевники отступили (20). В 1628 и 1629 гг. татары появлялись в Ливенском, Новосильском, Путивльском уездах, а также под Валуйками, Сапожком и Воронежем, но их перемещения были остановлены служилыми людьми. В 1630 г. явных попыток татар вторгнуться в пределы южнорусских уездов зафиксировано не было. С 1631 г. отмечается начало новых набегов татарской конницы к границам Московского государства. 23 мая в Елец с известием о татарах прибежал полковой казак, которого ранее захватили в плен в д. Бухаровой. Он сообщил, что в 60 верстах от Ельца находилось порядка 800 татар, с которыми было около 40 пленных. Поскольку вероятное направление движения степняков было через Елецкий уезд, то навстречу им из города был послан «товарищ» воеводы В. Тарбеев со служилыми сотнями. Столкновение произошло в Бруслановском стане, в ходе которого татары отступили (21). Данные сведения подтвердил в челобитной Алексей Бавзин, который приехал в Елец 10 мая из Карачева для покупки лошадей. 23 мая он возвращался домой через

Бруслановский стан, где его захватили под Дрызгаловым лесом. Через какое-то время Бавзина освободили под Азовом донские казаки, и он вернулся в родные места (22).

Ярко иллюстрирует службу сторожевых детей боярских и служилых казаков случай, произошедший в августе 1632 г. в Елецком уезде. 25 числа прибежал с Паниковской сторожи сторож сын боярский Аноха Матвеев с известием, что видел, как татары продвигались к д. Юрьева поляна, и об этом он сообщил соседним станичникам. Поздней ночью с новым известием о татарах прискакал в Елец станичник Василий Перов. Он рассказал, что они проследили за кочевниками и определили, что их отряд насчитывает больше 500 человек, а остановились они между р. Дон и Сосна, и вероятно, что дальнейшее их направление движения в Лебедянский, Данковский и Дедиловский уезды. Сразу по получении известий о татарах в Москву был отправлен вестовщик, а в Лебедянь отправили с новостью казака К. Киреева. Лебедянский воевода Иван Скорняков-Писарев распорядился собрать «в подъезд подъездчиков» детей боярских 4 человек в Елецкий уезд для разведки. После того, как лебедянцы пересекли р. Мечу, они наблюдали за татарами, которые «воюют» Бруслановский стан, после чего было принято решение разделиться. И. Коншаков с товарищем вернулся в Лебедянь с информацией об татарах, а В. Поздняков с товарищем остались наблюдать за кочевниками, чтобы определить маршрут их дальнейшего движения. Своевременная информация об опасности помогла подготовить Лебедянь к приходу татарской конницы. Вечером 27 августа татары начали движение к Лебедяни. Переправившись через р. Мечу, к полудню 28 августа они уже были под городом и приступили к осаде. Бой начался в районе посада и длился «со второго часа и до вечерни». В результате оперативных действий казачьего и стрелецкого голоав П. Рудакова и лебедянских служилых людей удалось отбить натиск татар, которые в результате отступили от города (23).

С 1635 г. Московское государство приступило к крупномасштабному строительству Белгородской засечной черты, которое длилось на протяжении последующих двух десятилетий (24). Несмотря на сооружение новой оборонительной линии, в южнорусских городах продолжала функционировать система сторожевой службы. С 1643 по 1645 гг. отмечается татарская активность в пограничных районах Московского государства. Так летом 1644 г. новости о перемещениях татарской конницы по Кальмиусской сакме из Валуек были

переданы в Усерд, откуда вестовщиков отправили на Оскол, дальше информацию о кочевниках послали в Ливны, дальше известия о грозящей опасности доставили в Елец, а оттуда дальше в Москву (25).

После передвижений крымских татар в декабре 1645 г. через Курский, Рыльский и Путивльский уезды в Елец в помощь воеводе С.С. Хитрову «для промысла над воинскими людьми» и «береженья от татарского проходу» был послан из Москвы воевода И.З. Ляпунов вместе с московскими стрелецкими головами Иваном Лукиным и Иваном Сергеевским. К приезду московского воеводы Савве Хитрову необходимо было составить списки елецких детей боярских, поместных и полковых казаков, а также стрельцов и передать их Ляпунову. Тому, в свою очередь, предстояло оценить боеспособность елецкого гарнизона и организовать действия служилых людей и уездного населения на случай нападения татарской конницы. В соседних городах должны были быть размещены вестовщики, которые в случае прихода татарских отрядов с известием об опасности скакали бы в Елец и сообщали воеводе. Всех служилых и жилецких людей было велено заново расписать по сотням со своими головами и сотниками. Неслужилых детей боярских, вдов, недорослей было указано расписать по городу и острогу по местам и находиться там во время прихода татар. Уездных детей боярских и пашенных крестьян вместе с женами, детьми и имуществом «до приходу воинских людей заранее» было велено собрать в Ельце. В случае невыполнения ельчанами предписаний воеводы и захвата их татарами, «полонское терпение будет от себя, а с полону государь окупат и на обмену имат их не велит». Характерно, что выполнялись мероприятия не только по защите и обороне от крымских татар, но и превентивные меры по борьбе со степными кочевниками. В случае появления информации о перемещениях татарских отрядов И. Ляпунов мог организовать отряд из служилых людей елецкого гарнизона и соседних городов. Они выдвигались в конном и пешем строю с обозом, с полковым и «легким нарядом» для того чтобы «уберечь и уездов воевать не дал». В случае, если удавалось захватить языков, их следовало тщательно допросить о планах крымских царевичей и записанные «расспросные и пыточные речи» отправить с сеунщиком в Москву. Кроме оборонительных мероприятий, Ляпунову предстояло организовать в Ельце драгунскую службу. Для этого помимо стрелецких голов вместе с Ляпуновым были направлены «немецкие» специалисты: «капитан Корнелиус Флор, поручик Петр Лан, сержант Бендик Бельск, барабанщик Яков Борт». Воеводе было

велено записывать в драгуны по ранее принятой системе «от отцов детей, от братья братьев, от дядь племянников, и соседи и подсоседников и всяких волных людей», но ни в коем случае от пашенных крестьян, бобылей и тех, кто служит. Драгун было приказано набрать, составить списки и отправить их в Москву (26).

Итак, анализируя особенности сторожевой службы елецкого гарнизона, отметим, что выполнение обязанностей по несению сторожевой службы ложилась на выбираемых из рядов елецких служилых людей детей боярских и казаков, которые могли исправно нести опасную службу. Для сторожевой службы использовалась проверенная десятилетиями система выезда к сторожам с ранней весны вплоть до поздней осени, определенный порядок оповещения города и уезда, выполнения мер по подготовке к осаде и нападению кочевников, передача известий о готовящейся опасности в Москву и соседним воеводам. При необходимости воеводам удавалось использовать потенциал гарнизона для возможных превентивных мер против продвигающихся вглубь южных уездов татар. Места размещения сторож были выбраны воеводами не случайно, поскольку именно там чаще всего кочевники проникали в южнорусские уезды. Возникает вопрос об эффективности сторожевой службы в предотвращении перемещений татар. Исходя из небольшой численности сторожей, они не могли препятствовать продвижению противника, их основная задача состояла в максимально быстром извещении воеводы, который принимал соответствующие меры. Кроме того, расстояние, на котором располагались сторожи, позволяло служилым людям заметить перемещение крупных отрядов татар. В случае прохода мелких групп татар они могли остаться незамеченными, но здесь большую роль играла добросовестность выполнения возложенных на служилых людей обязанностей. Характерно, что не только сторожа, стоявшие на посту, но и любой житель уезда или служилый человек заметивший перемещение татарской конницы, мог прийти в город и сообщить воеводе о грозящей опасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. С. 66.
2. Акты Московского государства. Т. I. 1571–1634 гг. / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. С. 2-5.
3. Там же. С. 62-63.
4. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 89.
5. Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 364.
6. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3.
7. Там же. Ф. 210. Оп.10. Д. 7. Л. 131-132.

8. Ляпин Д.А. История елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула, 2011. С. 76.
9. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной Е.И.В. канцелярии. Т. I. СПб., 1853. С. 871, 1189.
10. Там же. С. 1188-1190.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 94.
12. Там же. Д. 60. Л. 15.
13. Там же. Оп. 12. Д. 74. Л. 243, 351.
14. Там же. Д. 25. Л. 95; Д. 69. Л. 16; Д. 74. Л. 353.
15. Там же. Д. 25. Л. 98-100, 222, 223; Д. 60. Л. 18-20, 77-79, 270, 271; Д. 74. Л. 356.
16. Там же. Д. 60. Л. 77.
17. Там же. Оп. 9. Д. 27. Л. 11-12.
18. Там же. Л. 14-19.
19. Там же. Л. 127, 185-186.
20. Там же. Л. 302, 303.
21. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 158, 207.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 27. Л. 116.
23. Акты Московского государства. Т. I. С. 386-387.
24. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С. 85, 114, 147.
25. Акты Московского государства. Т. II. 1635–1659 гг. / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. С. 132.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 208. Л. 82-83, 86-92, 94.